

Сергей Разгонов,
журналист

Поле Куликово

Ветер был такой, что дверцу машины не открыть. Все большое поле гудело, переливалось где клевером, где рожью, где «зеленкой». Называлось поле — Куликово... С детства мечталось увидеть его, с давнего школьного урока истории.

С Красного холма, где стоял шатер Мамай, поле раскрывшись такой ширью и далями, такой степной волей, что сравнить его только с морем: холмы, овраги, рощицы, перелески, черные клинья вспаханной земли среди свежих зеленеющих нив. И не видно края, он теряется в синих даях, там, где Непрядва сливается с Доном. Одно слово для этой шири — Задонщина. Гулкое, наполненное степным ветром пространство под огромным небом. Нигде нет такого неба — только еще над Ильмень-озером и нигде нет такого ощущения упругой сферичности земли.

Какая же это была эпическая битва! Как мощно утверждала себя история — не в царской спальне или дворцовой интриге — на былинном просторе. Сила шла на силу, рать на рать — в упор, тараном, глухим ударом копы в грудь.

Эпически звучат строки Софония, современника Куликовской битвы, автора повествования «Задонщина»: «О жаворонок, летняя птица, радостных дней утеха, взлети к синим облакам, взгляни на могучий город Москву и прославь великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича. Слово бурей занесло соколов из земли Залесской в поле Половецкое! Звенит слава по всей земле Русской: в Москве кони ржут, трубы трубят в Коломне, бубны бьют в Серпухове, встали стяги русские на берегу великого Дона...

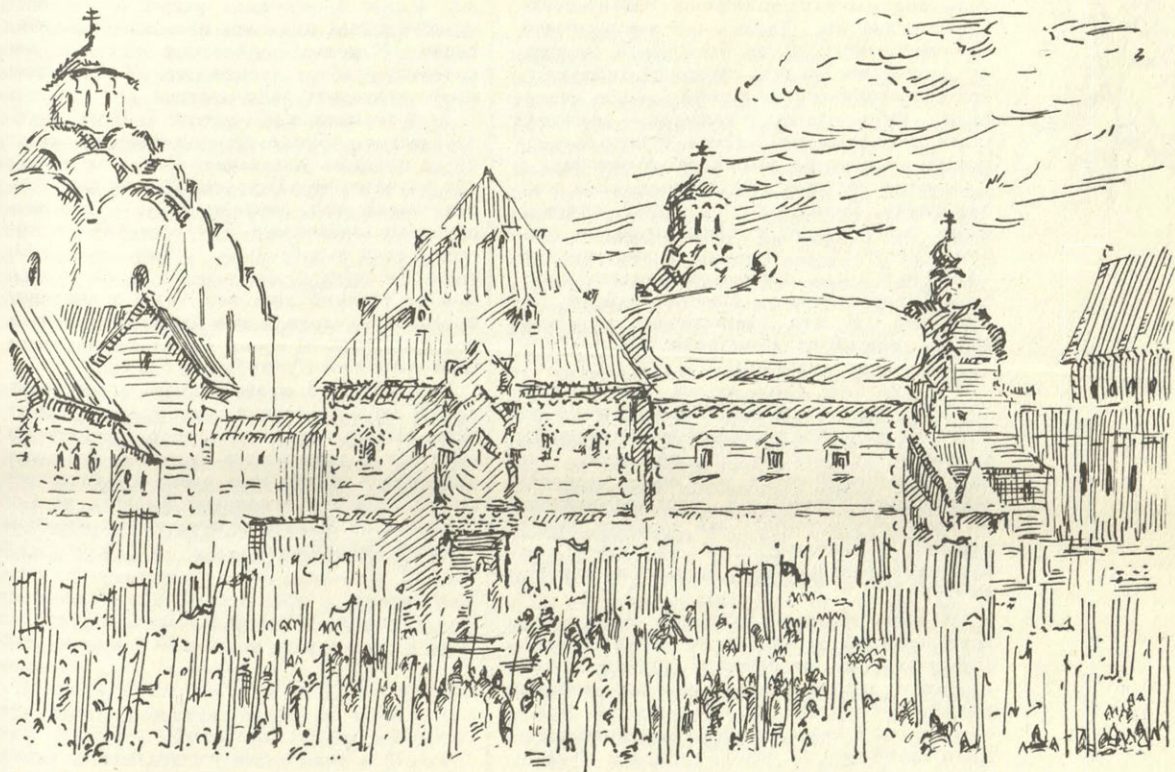
...Набежали серые волки с устья Дона и Днестра, воют стаями у реки у Мечи, хотят кинуться на Русь... Затрещали копыя каленные, зазвенели доспехи золоченые, застучали щиты червлёные, загремели мечи булатные... Могучие рати сошлись тут и потоптали холмы и луга, и замутили реки, потоки и озера... На этом поле грозные тучи сошлись.

Часто сверкали в них молнии и гремели громы могучие...»

Глядя на карту в военном атласе, на стрелки передвижений, на прямоугольники, обозначающие русские полки и ордынское войско, не услышишь грохота мечей, конского храпа, не вдохнешь степной пыли... Схема — это не поле, схема — это не история. История здесь вот, за холмами, за дальним леском, где, говорят, таился засадный полк, ударивший Мамаю во фланг. И через тысячу лет ветер над Куликовым полем будет нести звуки битвы — они здесь навечно.

В канун битвы решали князья и воеводы в Чернаве — идти ли за Дон?

Стоя перед русским Рубиконом, князь

Дмитрий решил без колебаний: жребий брошен. Историческая судьба вела московскую пехоту, рати белозерские, суздальские, тверские, владимирские, костромские, Можайские, смоленские в задонские степи. И вот он, великий час: пошли по наведенным мостам через Дон, может быть, впервые осознав себя единым народом, почувствовав свою силу... Назад ходу не было. Сзади была река: не побежишь.

Бывают эпохи — тянутся годы, похожие один на другой, без событий, потрясений. Ленивые эпохи бездействия, о них забывают потомки — помнить нечего. А случается, в один миг все на дыбы — и в несколько часов решится и сдвинется столько, что порой не сдвинешь за столетия. Рубились в Задонщине, может, часов пять, но каждый этот ураганный час равен веку. А потом — погоня: сверкали мечи до Красивой Мечи. Рубка, загнанные кони...

Мстили за обиду, за унижение; то был первый порыв — вырваться из рабства, пришедшего из пыльных восточных степей. Но цепкое было рабство — не ускачешь на самых быстрых конях: духом надо было подняться, духом вырваться. В тот сентябрьский день, шестьсот без малого лет назад, начался духовный взлет нации.

...Зимой 1848 года из Петербурга тронулся санный поезд: на Куликово поле везли чугунные детали памятника Дмитрию Донскому, отлитого по проекту архитектора А. Брюллова, брата знаменитого живописца. Памятник воздвигли на Красном холме. Теперь это златоглавый маяк над степью, чугунная константа среди недолговечного, переменчивого равнотравья. Высится она посреди холма, а ближе к краю — храм Сергия Радонежского — ослепительно белый, яркий на фоне молодой тополиной рощи. Благородство, чистота, память... Храм прост и торжествен, со всеми пристройками, башенками, он издали похож на боевую дружину Дмитрия — вот она поднялась на Красный холм, утвердила себя здесь навсегда — каменная статья, символ давней победы, отзвук которой поныне слышен на российских просторах.

Отдадим должное реставраторам: оба этих памятника, бывшие долгое время запущенными, ныне радуют ухоженностью, на каждом — печать бережливости. В реставрацию колонны и храма вложены и немалые средства Всероссийского общества охраны памятников. И это символично: народные взносы участвуют в великом деле охраны отечественной культуры.

К сожалению, здесь же, на Красном холме, мы увидели и другое. Колонна в память Дмитрия Донского украшена посвяительной надписью от благодарного потомства. Так вот чугунные буквы уже после недавней реставрации повыдрали ностальгирующие по прошлому потомки, — им хотелось увести сувенир с Куликова поля. Из лучших побуждений, конечно. Увы, беда эта не искоренилась.

600-летие Куликовской битвы стало делом всероссийским, праздником всенародным. Правительство республики приняло специальное постановление: ко дню юбилея привести в порядок все памятники на Красном холме, в селе Монастырщине, где хоронили погибших на поле Куликовом. Нужно

было благоустроить территорию вокруг холма, устроить дорогу, стоянки для туристских автобусов, машин, поставить указатели на необъятном пространстве битвы, чтобы не на схеме, а въезв, стоя на земле Куликовского поля, понять, ощутить ход сражения, прилечь коницки, тяжкий шаг пехих полков... Нужно было открыть музей, построить гостиницу, разработать экскурсионные маршруты.

Но празднества Куликовские — не только на историческом поле. Эхо Куликовской победы звучит и в Москве, на площади Ногина, где восстановлена в обличье XVII века церковь Всех святых. Она была построена на месте деревянной, которую Дмитрий Донской, возвратясь с Куликова поля, воздвиг как памятник всем погибшим в битве.

Куликовская битва, как ни велико было ее значение, не принесла полного избавления от золотоордынского ига. Это произошло ровно через сто лет, тоже в сентябре, на том месте, где Угра впадает в Оку, на Калужской земле, когда ордынское войско, поняв, что русской силы ему больше не одолеть, повернуло и ушло в степи — теперь навсегда.

У истории свои меры, свои масштабы, — сто лет от Непрядвы до Угры набирало силу справедливое возмездие. Там, где в 1480 году на берегах Угры завершилось начатое на Куликовом поле дело, был воздвигнут Ворытинский монастырь, сейчас он реставрирован.

В канун Куликовского юбилея широко прошли художественные выставки, концерты, конференции, чтения, посвященные юбилею.

Не умирает история, не меркнут подвиги, не стареет слава. И сегодня, через шестьсот лет, живет в советских людях благодарное чувство к тем, кто в час испытаний защитил родину. Чувство это воедино связывает поколения, требует от каждого из нас готовности повторить дело предков.

Дата великая, как говорил А. Блок, «символическое событие русской истории», один из ее трудных перевалов. Повод не только для научных чтений, специальных докладов, археологических изысканий, но и для всенародных празднеств, для осознания самих себя, своих первоначальных глубин, источников силы. Не забудем, что в дни войны с фашизмом со страниц листовок, газет и воинских приказов не сходило имя Дмитрия Донского, что в то грозное время Павел Корин писал свой триптих о Куликовской битве...

Для памяти и нравственного опыта народа 600 лет — не глухая стена времени. Слава наша всегда рядом. На всех безымянных высотках и знаменитых курганах, что выше равнинного уровня моря, выше исторического штиля... На Багратионовых флесах, на Сапун-горе, на Мамаевом кургане, на Красном холме в Задонщине...

